

ТЕБЕ,
ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ

У бурных чувств неистовый конец,
Он совпадает с мнимой их победой.
Разрывом слиты порох и огонь.

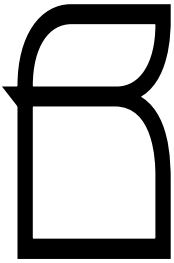
*Уильям Шекспир
«Ромео и Джульетта»¹*

---

¹ Перевод Б. Пастернака.

Пролог

сверкающем огнями Шанхае просыпается чудовище.

Его глаза открываются во чреве реки Хуанпу, челюсти размыкаются, чтобы ощутить вкус зловонной крови, стекающей в речные воды. По современным улицам древнего города ползут красные линии, образуя на булыжной мостовой сетки, похожие на переплетение сосудов, и по этим жилам жизненная сила большого города капля за каплей утекает в пасть страшного существа.

Ночь становится все темнее, и чудовище поднимается на поверхность, наконец показываясь из волн с грацией давно забытого божества. Когда оно поднимает голову, на небосводе видна лишь низко висящая полная луна.

Оно делает вдох. Оно подбирается ближе.

Его первый выдох превращается в порыв холодного ветра, со свистом проносящийся по улицам и хватающий за лодыжки тех незадачливых прохожих, которым случилось брести домой в этот глухой час. Город пульсирует в ритме распутства. Он средоточие грязи и греха, он зацелован пороками, кажется, небо вот-вот обрушится и погребет под собой всех тех, кто живет здесь, чтобы покарать их за разгульную жизнь.

Но кара не приходит — пока. Нынешнее десятилетие отличается свободой нравов и слабой моралью. В то время как на Западе продолжается нескончаемая вечеринка, а остальная часть Поднебесной раздроблена, поделена между стареющими военачальниками и оставшимися чиновниками империи, Шанхай живет в своем собственном мирке: *Париж Востока, Нью-Йорк Запада*.

Несмотря на отраву, текущую из каждого здешнего переулка, кончающегося тупиком, этот город такой *живой*. И чудовище тоже будто рождается заново.

Не ведая об этом, жители этого противоречивого города продолжают жить дальше. Двое мужчин вываливаются из открытых дверей своего любимого борделя, громко смеясь. Шумная атмосфера разнузданности публичного дома, из которого они вышли, внезапно сменяется тишиной этого позднего часа, и их уши с трудом приспосабливаются к ней.

Один мужчина низкорослый и толстый, кажется, стоит ему лечь на землю, и он покатится по тротуару, как мячик; второй же высок, нескладен и угловат. Обнимая друг друга за плечи, они, спотыкаясь, бредут в сторону реки, впадающей в море, туда, куда каждый день прибывают торговые суда с товарами.

Эти двое знакомы со здешними причалами, ведь когда они не болтаются по джаз-клубам и не распивают вино, только привезенное из какой-нибудь заморской страны, они работают на Алую банду: исполняют поручения, охраняют коммерсантов, перевозят товар. Они знают эту улицу как свои пять пальцев, хотя сейчас здесь не слышно обычных для здешних мест криков и разговоров на десятках языков одновременно.

В этот ночной час тут слышны только приглушенная музыка из местных баров да хлопки танцующих на ветру вывесок магазинов. Кроме того, невдалеке пятеро из Белых цветов увлеченно беседуют на русском. Двое Алых сами виноваты, что раньше не услышали их громкого разговора, но

их мозги затуманены алкоголем, а чувства приятно притувлены. К тому времени, когда двое мужчин замечают своих врагов из Белых цветов, стоящих на одном из причалов — с бутылкой, которую они передают из рук в руки, оглушительно смеющихся, толкающихся, — ни те ни другие уже не могут ретироваться, не потеряв лицо. Белые цветы выпрямляются и склоняют головы навстречу ветру.

— Нам надо продолжать идти, — шепчет своему спутнику низенький Алай. — Ты же знаешь, что сказал господин Цай насчет еще одной разборки с Белыми цветами.

В ответ нескладный втягивает и прикусывает обе щеки, отчего становится похож на самодовольного пьяного упыря.

— Он сказал, что нам не следует ничего начинать, но никогда не говорил, что мы *не можем* ответить.

Двое Алаев говорят на диалекте своего города, но звуки кажутся спрессованными и будто накладываются один на другой. Даже когда они повышают голос, зная, что находятся на своей территории, в их разговоре звучит легкая неуверенность, ведь теперь Белый цветок, не знающий местного языка, это редкость — иногда их выговор не отличишь от выговора уроженца Шанхая. Предположение оказывается верным — один из Белых цветов с ухмылкой рычит:

— Вы что, желаете затеять разборку?

Более высокий Алай издает низкий утробный звук и плюет в сторону Белых цветов. Плевков приземляется возле башмака того, что стоит ближе.

В мгновение ока все выхватывают пистолеты, рука бойцов тверда, они готовы нажать на спусковой крючок и стрелять, стрелять без разбору. Подобные сцены здесь никого не удивляют; в шальном Шанхае такие стычки привычнее, чем дым опиума, поднимающийся из курительной трубки.

— Эй! Эй!

Напряженную тишину разрывает звук свистка. Подбежавший полицейский явно раздражен картиной, представ-

Хлоя Гонг

шей его глазам. За последнюю неделю он видел такие сцены уже три раза. Он рассовывал членов враждующих банд по тюремным камерам и вызывал труповозку, когда они начинали друг друга пулями. Устав после трудового дня, он желает только одного — вернуться домой, попарить ноги и съесть остывший ужин, который его жена оставила на столе. У него руки чешутся отходить этих забияк дубинкой, вбить в их головы хоть каплю здравого смысла, напомнить им, что между ними нет личных обид. На разборки их толкает только их безоглядная и бессмысленная преданность клану Цаев и клану Монтековых, которая их убьет.

— Не желаете ли разойтись по домам? — спрашивает полицейский. — Или же вы предпочитаете пойти со мной и...

Внезапно он умолкает.

Из реки поднимается *рык*.

От этого звука исходит угроза, реальность которой невозможно отрицать. Это ничуть не похоже на ту паранойю, которую начинаешь испытывать, если вдруг очутился на безлюдном перекрестке и тебе кажется, будто за тобой кто-то идет; не похоже это и на панику, вызванную скрипом половицы в пустом доме. Эта угроза осязаема — от нее сам воздух будто напитывается влагой, и на грудь ложится груз. Она очевидна, как пистолет, нацеленный тебе в лицо, но вместе с тем за ней следует момент бездействия, момент замешательства. Дрогнув первым, низенький и толстый Алый быстро переводит взгляд на край тротуара, пригибает голову и щурится, глядя в темную воду, которую колышет небольшая зыбь.

Его спутник истошно вопит и сбивает его с ног сильным ударом локтя, который, благодаря его низкому росту, приходится ему прямо в висок, когда из воды вдруг вырывается нечто.

Маленькие черные мушки.

Коротышка падает, с силой ударяется о землю, и мир обрушивается на него в виде мелких частиц — каких-то стран-

ЭТИ БУРНЫЕ ЧУВСТВА

ных штук, которые он даже толком не видит, поскольку перед глазами у него все кружится, а к горлу подступает тошнота. Он только чувствует что-то вроде булавочных уколов, осыпающих его руки, ноги, шею; он слышит, как кричит его товарищ, как на русском орут что-то Белые цветы, затем полицейский вопит по-английски:

— Уберите его! Уберите их!

В ушах лежащего на земле Алого оглушительно стучит кровь. Его лоб прижат к доскам тротуара, он не хочет видеть то, что вызывает эти жуткие вопли, и все его существо заполняет грохочущий пульс. Только когда на его ногу шлепается что-то толстое и мокрое, он в ужасе вскакивает, дергает ногой так отчаянно, что с нее слетает башмак, и пускается бежать, даже не подумав подобрать его.

Он бежит без оглядки, счищая с себя осыпавшие его ошметки, икая в отчаянном стремлении дышать, дышать, дышать.

Он не пытается посмотреть назад, чтобы выяснить, что же таилось в водах реки. Он не пытается посмотреть назад, чтобы узнать, нужна ли его товарищу помощь, и, конечно же, не пытается посмотреть назад, чтобы понять, что за вязкая, липкая штука приземлилась на его ногу. Он просто бежит и бежит мимо неоновых вывесок кинотеатров, в которых гаснут последние огни, мимо дверей борделей, из-под которых доносятся неясные звуки, мимо сновидений торговцев, спящих на кучах денег, спрятанных под их матрасами.

К тому времени когда на причале остались только трупы с рваными ранами на месте шей, глядящие в небо остекленевшими глазами, в которых отражалась луна, его уже и след простыл.

Глава один

СЕНТЯБРЬ 1926 ГОДА

Здесь, в сердце владений Алой банды, самым притягательным местом было кабаре.

Листы календаря переворачивались, подбираясь все ближе к концу сезона, и страницы с датами отрывались и улетали прочь быстрее, чем жухнувшие осенние листья, которые ветер срывает с ветвей. Время и спешило, и медлило, дни становились короткими и вместе с тем тянулись слишком долго. Рабочие вечно куда-то торопились, и было неважно, есть им куда идти или нет. Где-то вдалеке вечно слышался звук свистка, вечно пыхтели трамваи, тяжело ползущие по истертым рельсам, утопленным в мостовые, вечно висел над городом смрад недовольства и впитывался в постиранное белье, колышущееся на ветру, словно матерчатые вывески магазинов, натянутые под окнами тесных квартир.

И сегодняшний день не был исключением.

Пришло время праздника Середины осени, который по западному календарю пришелся в этом году на двадцать второе сентября. Когда-то в этот день, согласно традиции, все зажигали бумажные фонарики и почитали то, чему поклонялись их предки, рассказывая печальные истории прошлого и собирая в ладони лунный свет. Но наступил новый век — и этот век считал, что он выше всех тех, кто приходил в мир

до него. На чьей бы территории они ни находились, жители Шанхая с самого рассвета хлопотали и готовились к празднованию, и сейчас, когда девять часов отмечали девятью ударами колоколов, торжества только начинались.

Джувьетта Цай обводила взглядом кабаре, чтобы сразу увидеть первые признаки беспорядка, если что-то пойдет не так. Хотя с потолка здесь свисало множество мерцающих люстр, в зале царил дымный сумрак, а воздух казался влажным. К тому же на Джувьетту время от времени волнами накатывали волны странного запаха, будто что-то отсырело, однако скверно выполненный ремонт, похоже, не испортил настроение тем, кто сидел за круглыми столами в зале. Вряд ли посетители заметят небольшую протечку в углу, когда они так увлечены. Парочки шепчутся, раскладывая карты таро, мужчины трясут друг друга за плечи, женщины ахают и взвизгивают, подаваясь вперед, чтобы услышать таинственную историю, рассказанную в неверном свете газовых ламп.

— У тебя озабоченный вид.

Джувьетта не стала оборачиваться, чтобы посмотреть, кому принадлежит голос. В этом не было нужды. Немногие здесь могли заговорить с ней по-английски, особенно если к этому английскому прилагается китайский выговор и приобретенный французский акцент.

— Так оно и есть. Я постоянно озабочена. — Только теперь она повернула голову и улыбнулась, с прищуром посмотрев на свою кузину. — Разве следующей на сцену выступишь не ты?

Розалинда Лан пожала плечами и сложила руки на груди, так что нефритовые браслеты на ее тонких смуглых запястьях звякнули, ударившись друг о друга.

— Без меня представление не начнут, — фыркнула она, — так что я не беспокоюсь.

Джувьетта еще раз оглядела зал — на сей раз с определенной целью — и обнаружила Кэтлин, двойняшку Роза-